

Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.

²⁴ См. статью В. М. Морозова и В. И. Стефанова в данном сборнике.

²⁵ См.: Старков В. Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976. Вып. 1.

²⁶ См.: Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.

²⁷ См.: Ковалева В. Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

²⁸ См.: Ковалева В. Т., Штадлер М. Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннего бронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

²⁹ См.: Топоров В. Н. Мандала // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 100—102.

³⁰ См.: Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 164, 170—172.

³¹ См.: Там же. С. 74, 90.

³² См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 529.

³³ См. статью О. В. Рыжковой в данном сборнике.

³⁴ См.: Иорданский В. Б. Звери, люди, боги: Очерки африканской мифологии. М., 1991. С. 162—166.

³⁵ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология. Т. 1. С. 532.

³⁶ См.: Березкин Ю. Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей. Л., 1987. С. 56.

³⁷ См.: Войлошников М. Индоевропейцы, где вы? // Знание — сила. 1991. Апр. С. 35.

Г. М. БУРОВ
Симферопольский университет

НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛУЗЕМЛЯНКИ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЕГО ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Неолит в области Вычегды, Северной Двины, Мезени и Печоры (IV — середина III тыс. до н. э.) представлен чернорборской (с ямчатой и ямчато-валиковой керамикой) и камской культурами, энтинским, пинежско-вычегодским и конецборским культурными типами (с гребенчатой), притиманской (с ямочно-гребенчатой) и синкретической вычегодско-вятской культурами. Энеолит этой территории (конец III — первая половина II тыс.) характеризуется гребенчатой керамикой из глины с неорганической примесью (конецборский и ортинский культурные типы), пористой гребенчатой (галовский тип), синкретической (поселения мармугинского и ниремского типов), накольчато-гребенчатой посудой (усогорский тип), абашевскими и абашоидными материалами, захватывающими и бронзовый век. К числу его ранних памятников относятся атаман-нюрские поселения гребенчато-ямочной керамики¹.

Древние поселения Крайнего Северо-Востока Европы (КСВЕ) занимают обычно участки сухих надпойменных террас, на которых легко копать котлованы для полужемлянок. Именно к этому типу относятся основные жилища нео-энеолита и отчасти раннего бронзового века, тогда как начиная с эпохи поздней бронзы (лебяжская культура) жилые постройки были наземными. Ни одной полужемлянки моложе II тысячелетия до н. э. не обнаружено, а в местах очагов должны были существовать неуглубленные постройки. Следы подобных сооружений зафиксированы в Лебяжском II (поздняя бронза), Пожегдине II (ранний железный век) и Висе II (раннее средневековье)². Вероятно, исчезновение жилищных котлованов в эпоху, когда в производство внедрился металл, было связано с распространением бронзовых и железных кельтов, позволявших заготавливать толстые бревна для стен сруба, не продуваемых ветром. В предшествующее же время надежным заслоном от холодного воздуха для людей, сидевших или лежавших на полу, были края котлована.

Сведения о жилых сооружениях мезолита скудны: такое жилище с выявленными контурами (овальная полужемлянка) раскопано пока только в Топыд-Нюре V на средней Печоре³. Зато имеются обширные данные о полужемлянках нео-энеолита и раннего бронзового века — их пол был врезан в материковый песок на глубину 0,2—0,8 м от дневной поверхности. Именно благодаря этому обстоятельству прослеживаются очертания построек в плане и от них сохранились впадины, по которым жилища выявляют во время разведок. Изучение полужемляночных жилищ на КСВЕ было начато нами в 1960 г. с раскопок на поселениях Вис I и II, а с 1969 г., после открытия В. Е. Лузгиным Галова II на Ижме⁴, приняло массовый характер: археологи Сыктывкара (В. И. Каневец, В. С. Стоколос, Э. С. Логинова, И. В. Верещагина, Л. Л. Косинская, В. А. Семенов, К. С. Королев и др.) научились находить на борových террасах жилищные впадины. К настоящему времени десятки их исследованы.

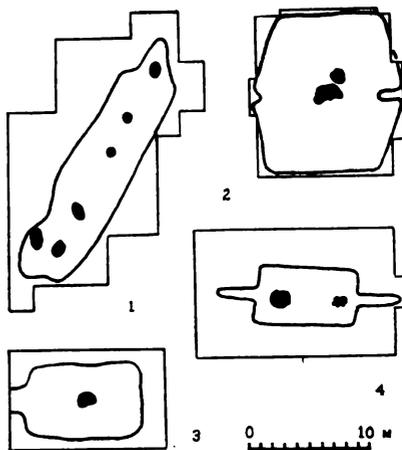
Развитие формы и устройство жилищ. Уже в эпоху раннего неолита (черноборская культура) строятся удлиненные полужемлянки с пандусами-входами на длинной стороне, расположенными внутри жилища (Конещелье в бассейне Мезени)⁵. Тогда же появились вытянутые в плане дома с рядом очагов по всей длине, представленные постройкой длиной более 13 м (не весь котлован раскопан) и шириной 6 м на стоянке энтинского типа Ревью I (Привычегодь)⁶. Такие сооружения типичны для поздненеолитической притиманской культуры. Одно из них, на вычегодской стоянке Энты I, представляло собой просторный дом длиной 19,5 м при ширине 5,0—5,4 м с 6 очагами, из которых 5 были размещены в один ряд по оси симметрии, а 6-й — в стенной нише (рис. 1-1). Группа из четырех аналогичных

сооружений той же культуры раскопана на соседнем поселении Энты III (1, 2, 4, 5) ⁷. Все эти жилища сходны с длинной полуземлянкой на Хуторской неолитической стоянке и ранними энеолитическими жилищами на поселениях борского типа в Прикамье ⁸.

Такие полуземлянки резко отличаются от вычегодско-вятских финального неолита и, как правило, от построек энеолита, кото-

Рис. 1. Типы жилищ нео-энеолита и раннего бронзового века на КСВЕ:

1 — длинная многоочажная неолитическая полуземлянка (Энты I, притиманская культура); 2 — шестиугольная постройка раннего бронзового века (Шиховское I, жилище I, абашевская культурная традиция); 3 — короткая одноочажная постройка энеолита с одним пандусом (Галово II, 6, галовский культурный тип); 4 — короткое двухочажное жилище энеолита с двумя пандусами (Чужьяэль I, 3, ортинский культурный тип). Показаны границы раскопов и котлованов, а также очаги

рые имели умеренно вытянутую или даже квадратную форму (рис. 1-3, 4). Пандусы-входы устраивались за пределами прямоугольника и в подавляющем большинстве — у середины короткой стороны. Каждый дом имел один или два входа на противоположных концах. В помещениях вычегодско-вятской культуры очаги располагались главным образом у стен, а в энеолитических, как правило, — в центральной части. Сходные жилища исследованы на гаринских поселениях Прикамья ⁹.

У рубежа энеолита и бронзового века (середина II тыс. до н.э.) на КСВЕ при сохранении жилищ прежней формы бытовали оригинальные шестиугольные полуземлянки (рис. 1-2) с очагом в центре и входами-пандусами на углах, внутри котлована или снаружи (Атаман-Нюр I, Шиховское I, Адзья II, Ниремка I) ¹⁰. Мимо внимания исследователей (В. С. Стоколос и Л. Л. Косинская) прошел тот факт, что в данном случае речь должна идти не просто об отдельных непрямоугольных постройках, а о целой серии полуземлянок именно шестиугольной формы, возникших и существовавших в этом регионе.

Касаясь реконструкции энеолитических жилищ, В. С. Стоколос отмечал, что в «чужьяэльском» (усогорском, ортинском и ниремском) домостроительстве «господствовала, по всей вероятности, бревенчатая конструкция стен, нижние венцы которой опускались в неглубокий (до 50 см от дневной поверхности) котлован», а у носителей «чойновтинской культуры» (галовский

тип памятников) были «каркасные или столбовые конструкции и, вероятно, изредка применялась какая-то бревенчатая конструкция»¹¹. Л. Л. Косинская, восстанавливая облик энеолитических построек в Ниремке I, усматривает различие между «турбинскими» (галовскими) постройками и жилищами «с гребенчатой керамикой» (ниремской), но считает возможным дать реконструкцию лишь вторых. «Наличие ям от вертикальных столбов за пределами котлованов по периметру жилищ,— пишет она,— уже само по себе заставляет отнести их к типу каркасных построек, так как сруб... столбов не требует». Для покрытия каркаса, по мнению исследовательницы, могли служить «жерди, ветви и кора деревьев, береста, часто покрывавшиеся дерном и землей»¹².

Л. Л. Косинская, опираясь на «отсутствие хозяйственных комплексов в межжилищном пространстве и редкость находок» в нем, справедливо считает, что «основная деятельность обитателей поселения проходила в жилищах» и, следовательно, Ниремка I была зимним поселком¹³. С этим согласуется наличие очагов внутри полуземлянок. Очевидно, летом энеолитическое население обитало в основном в легких бескотлованных сооружениях — шалашах или чумах.

В этой связи обратим внимание на вертикальность стен у полуземлянок, доказываемую расположением некоторых очагов на краю жилищного котлована (например, Вис I и II, Ниремка I, 2). Почти вертикально поставлены стены и в реконструкции одного из жилищ¹⁴. Но отвесные стены из разрозненных жердей и ветвей, березовой и иной коры не могли покрываться землей, легко продувались и, по данным сибирской этнографии¹⁵, были пригодны главным образом для летних построек. Следовательно, полуземлянки КСВЕ как зимние жилища, вероятно, в большинстве случаев имели срубы, которые не исключают наличия отдельных столбовых ямок за пределами помещений¹⁶. Срубными могли быть как четырехугольные, так и полигональные жилые сооружения¹⁷.

Для восстановления полуземлянок важен также сравнительный материал, собранный на соседних территориях. Постройки столбовой конструкции летнего назначения, конечно, существовали в нео-энеолите лесной полосы. Так, в неолитическом жилище на стоянке Моторки II (Вятский край) и за его пределами вдоль стен Р. Д. Голдиной и Т. М. Гусенцовой зафиксировано 65 столбовых ямок¹⁸. Значительно меньше их (27) оказалось по краю полуземлянки на Хуторской стоянке, к тому же здесь прослежен угол сруба из двух обугленных бревен. Немного углублений от столбов выявлено и при исследовании энеолитического гаринского жилища 2 на поселении Бор I, чему соответствуют «ясные следы» сгоревших бревенчатых стен «в виде сплошных углистых полос»¹⁹. Также в Карелии, на неолитической стоянке Вигаи-Наволоок I, вскрыты срубные постройки, о

чем свидетельствуют следы перекрестий по углам и отсутствие при жилищах углублений от столбов²⁰. Этнографическая параллель полуземлянкам нео-энеолита — впущенное в землю прямоугольное срубное жилище нанайцев со входом-пандусом на середине короткой стороны²¹. Чтобы стены котлована не осыпались, их укрепляли срубом, возвышавшимся над землей.

Таким образом, ограниченное число столбовых ямок при древних постройках КСВЕ, указания на вертикальность их стен и остатки срубов в нео-энеолитических полуземлянках соседних территорий свидетельствуют, что углубленные жилища были, как правило, срубными. Однако срубы состояли, по-видимому, из слег и тонких бревен; в таком случае строительство не было чрезмерно трудоемким для охотников-рыболовов. Прямоугольная постройка могла иметь двускатную или односкатную крышу, а шестиугольная — пирамидальную с отверстием в центре для дыма; вероятный материал для покрытия — береста.

В связи с вышеизложенным встает вопрос о размерах жилой площади древних полуземлянок в данном регионе. В литературе приводятся различные сведения по этому поводу: о длине и ширине котлована, «площади жилища», которая, по-видимому, выводится из них, а изредка — «площади пола». Наиболее же объективные сведения содержатся в планах и профилях, которые следует взять за основу при противоречии между цифровыми сведениями и иллюстрациями, хотя на планах показывают границы котлована, не наносимая края пола. Мы должны учитывать, что стенки у котлована покатые, вследствие чего площадь пола меньше, чем площадь котлована. К тому же внутри него должна была находиться нижняя часть сруба. Учитывая все это, мы при определении жилплощади исчисляем метраж котлована и вычитаем из полученной величины площадь полосы вдоль стен. Условно за ширину этой полосы принимаем 0,25 м. Получается, что жилая площадь полуземлянки — это метраж котлована за вычетом 0,25 м, умноженных на его периметр. Нами составлена таблица, показывающая размеры 60 полуземлянок КСВЕ в диапазоне от мезолита до раннего бронзового века. В ней отсутствуют некоторые данные, не нашедшие отражения в печати, и сведения о жилищах неясной культурной принадлежности.

Жилые постройки нео-энеолита как отражение структуры охотничье-рыболовческой общины. Социальные отношения в рассматриваемую эпоху слабо освещены источниками. Письменных свидетельств нет, а погребальные памятники единичны и маловыразительны. Вот почему приобретает особое значение исследование жилых сооружений. Эта тема была бегло затронута В. С. Стоколосом, а более детально разрабатывалась автором настоящей статьи и Л. Л. Косинской²².

Жилая площадь построек составляет 7—86 м², но полуземлянка шестиугольной формы в Шиховском I намного крупнее — 125 м². Определяя число жильцов в каждом из жилищ, мы мо-

Таблица

**Сравнительная характеристика жилищ-полуземлянок КСВЕ
в эпоху мезолита — раннего металла ***

Поселение, № жилища	Культура или культур- ный тип	Жилая площадь, м²	Примерное число обитателей
1	2	3	4
Топыд-Нюр V	Висский	8	2
Конещелье	Черноборская	76	20
Эньты I	Притиманская	85	24
Эньты III:			
1	»	72	21
2	»	35	10
3а	»	21	6
3б	»	17	5
4	»	79	23
5	»	24	7
Всего:	»	248	72
Эньты IV	»	43	12
Вис I: 2	Вычегодско-вятская	52	15
Вис II	»	47	13
Чойновты I	Усогорский	40	11
Ошчой I:			
5	Конецборский	36	10
11	Ниремский	25	7
Ошчой V:			
3	Ортинский	72	21
5	»	28	8
Чужьяёль I:			
1	»	42	12
2	»	26	7
Чужьяёль I:			
3	Ортинский	31	9
5	»	17	5
Кирокса:			
1	Мармугинский	34	10
2	Абашоидный	60	17
Шиховское I	»	125	36
Галово II:			
1	Галовский	49	14
2	»	38	11
3	»	13	4
Галово II:			
4	»	58	17
5	»	37	11
6	»	52	15
7	»	86	25
Всего:	»	333	97
Чойновты II:			
1	»	41	12
2	»	25	7
3	»	27	8
4	»	11	3
5	»	8	2

1	2	3	4
6	Галовский	15	4
10	»	30	9
11	»	20	6
13	»	33	9
14	»	73	21
Ниремка I:			
8	Галовский	11	3
10	»	24	7
11	»	20	6
1	Ниремский	7	2
2	»	64	18
3	»	17	5
4	»	24	7
5	»	64	18
9	»	26	7
Эньты II	»	76	20
Эньты VII:			
1	»	39	11
2	»	45	13
Топыд-Нюр XII	»	19	5
Топыд-Нюр XIII:			
А	»	22	6
Б	»	36	10
Атаман-Нюр:			
7	Атаман-нюрский	40	11
8	»	45	13
9	»	80	23
Адзья II: 3	»	63	18

* О жилищах Эньты IV. Чойновты I. Ошчоя I и V. Кироксы. Эньты II и VII. Топыд-Нюра XII и XIII см.: *Логинава Э. С.* Раскопки на средней Вычегде // АО — 1982. М., 1984; *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. С. 57—88. Рис. 43; *Буров Г. М.* Поселение Кирокса и мармугинский тип энеолитических поселений в Северодвинском крае // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 105; *Логинава Э. С.* Раскопки на средней Вычегде // АО — 1983. М., 1985; *Она же.* Работы на средней Вычегде // АО — 1985. М., 1987; *Канивец В. И.* Отчет о работе I Печорского археологического отряда. Л. 15—18; *Стоколос В. С.* Культуры эпохи раннего металла . . . С. 133—138.

жем исходить из усредненных этнографических данных, которые привел Л. П. Хлобыстин для неолита тундры и тайги²³. Исследователь, а вслед за ним и В. Ф. Старков²⁴, полагают, что на одного человека приходилось примерно 3,5 м². Значит, в наиболее тесном помещении энеолита (Ниремка I, 1, 7 м²) могли обитать 2 человека, в одном из крупнейших (Ниремка I, 2, 64 м²) — примерно 18, в самом большом (Шиховское I, 125 м²) — приблизительно 36. Существование домов разной величины, возможно, связано с размерами той хозяйственной ячейки, которая занимала отдельное жилище и могла составлять, как правило, от 2 до 25 человек.

Древние поселения КСВЕ были различны по количеству жилищ, причем отмечены и такие, на которых функционировала

только одна постройка. Это, например, поселение Ниремка I (позднегаловское жилище 11) и галовская стоянка между Ошчоем III и Чойновты II²⁵. Такие пункты следует прежде всего рассматривать как места, где жили небольшие общины. Существовали, вероятно, и одиночные избышки, где охотники-рыболовы останавливались лишь во время промысла. Однако вряд ли можно согласиться с В. С. Стоколосом, что два многожилищных поселения в урочищах Чойновты и Ошчой, расстояние между которыми 55 км, принадлежали одному и тому же «подвижному» коллективу — ничего подобного этнография не знает.

Вместе с тем наличие определенного числа жилищных впадин еще не доказывает, что древний поселок включал адекватное количество домов. Участок мог заселяться неоднократно, а постройки — быть разновременными. Так, на поселении Ошчой III известно и галовское жилище, и помещение с ортинской керамикой. В Чойновты 2 жилища, по нашему мнению, имеют раннегаловский возраст (10 и 14), 4 — позднегаловский (4, 6, 11 и 13), 6 (1—3, 5, 15 и 16) — галовский (более точно время не определяется), 3 не исследованы (7—9), а об одном (12) данных нет²⁶. В Ниремке I одно из жилищ (11) позднее, а 2 (8 и 10) — ранние галовские. Остальные относятся к ниремскому культурному типу, но некоторые из них, по мнению Л. Л. Косинской, разновременны, о чем говорят данные стратиграфии.

Все же в Галове II, жилища которого раскопаны целиком, встречена только галовская посуда, причем одного облика во всех котлованах. К тому же очажные линзы в полуземлянках отделены прослойкой песка от дна котлована, что указывает на сооружение домов в теплую пору, когда очаги устраивались под открытым небом²⁷. Огонь стали разводить в жилищах с наступлением холодной погоды, и к тому времени в них уже был нанесен песок. Все эти данные позволяют предполагать, что 7 домов в Галове II функционировали синхронно, хотя и размещались двумя почти равными по площади группами (первая — 1—3, 7, вторая — 4—6). Общая жилая площадь галовских жилищ — 333 м².

В Чужьяёле I ортинские жилища 1—3 составляют по площади соответственно 42, 26 и 31 м², № 5 — 17 кв. м²⁸; если для полуземлянки 4, контуры которой полностью не выявлены, взять среднюю для поселения цифру, то средняя площадь жилищ составит 29 м². Если принять за размер полуземлянки 4 эту величину, то суммарная площадь всех жилищ поселения составит 145 м². Общая площадь 6 жилых помещений на неолитической стоянке Эньты III составляет 248 м², а длинной постройки в Эньты I — 85 м². В Ниремке I позднегаловское жилище 11 имело жилую площадь 20 м², раннегаловские помещения 8 и 10 — в сумме 35 м². Таким образом, жилая площадь одного поселения могла изменяться от размеров одиночного помещения до нескольких сотен квадратных метров.

Допуская одновременность жилищ на перечисленных выше поселениях, мы можем предположить, что на притиманской стоянке Эньты I²⁹ жили 24 человека, в Чужьяёле I—33, Эньты III—72, Галове II—97, т. е. поселок нео-энеолита мог вмещать примерно до 100 жителей.

В каждом жилище отмечался чаще всего 1 очаг, значительно реже—2, а 3 и более встречаются лишь иногда. Так, по 3 очага имели жилище 1 в Чойновты II и полуземлянка в Висе I, а в Эньты I и Висе II насчитывается по 6 очагов. Обращает на себя внимание, что нет четкой пропорциональной зависимости между метражом помещения и числом его очагов. Так, в Галове II полуземлянка 5 площадью 37 м² имела 2 кострища, а 7, размером 86 м²,—только 1. В Чойновты II жилище 2 (25 м²) было оснащено 1 очагом, а помещение 4, меньшее в два с лишним раза,—2. Лишь 2 очага (к тому же расположенные впритык друг к другу) обнаружены в Шиховском I (125 м²), а в Висе II их оказалось 6 (на площади 47 м²). В отдельных случаях такие контрасты объяснимы разновременностью очагов³⁰ или, возможно, использованием одного кострища двумя (или более) хозяйственными группами.

Особый интерес представляют усредненные данные о числе жильцов, пользовавшихся одним очагом. В жилищах 4 и 5 Галова II на каждый из них приходится примерно 5—9 обитателей. Нечто подобное можно наблюдать в Чойновты II, где отдельным очагом в жилищах с 2—3 кострищами (1, 3, 11, 13 и 14) пользовались примерно от 3 до 11 человек, и на стоянке Чужьяёль I (1—3) — от 3 до 6. В Эньты I каждый из 6 очагов принадлежал в среднем 4 обитателям. Как полагают некоторые авторы, количество очагов в большом жилище адекватно числу семейных единиц³¹. Очевидно, в среднем семья включала 3—10 человек, но были и более крупные коллективы (например, 25 человек в одноочажном доме 7 Галова II).

Особого внимания заслуживают сильно вытянутые жилища с рядом очагов по всей длине, характерные для неолита, но представленные и на некоторых энеолитических поселениях КСВЕ (трехочажные помещения в Ошчое V, 3 и Чойновты II, 1). Подобные сооружения известны не только в нео-энеолитических памятниках Европы, но и в древностях иных эпох, начиная от позднего палеолита (Костенки I и II) и кончая железным веком (ананьинское Конецгорское селище). Этнографические параллели (ирокезы Северной Америки) свидетельствуют, что длинные дома могли иметь перегородки, разделявшие их на комнаты для отдельных семей³².

В пользу того, что перегородки действительно существовали, говорят и другие данные. Жилище 1 в Эньты III явно было разделено на 2 половины стеной: на это указывают столбовые ямки, размещенные в ряд. Перегородкой в средней части (от которой остались обугленные бревна) была снабжена также и

двухочажная полуземлянка 2 на гаринском поселении Бор I в Прикамье³³.

Как отмечалось выше, энеолитические и более поздние жилища исследуемого региона были не только с 1, но и с 2 входами-пандусами на противоположных сторонах (рис. 1-4). В. С. Стоколос затрудняется объяснить данное обстоятельство «из практических соображений» и, ссылаясь на этнографический материал (саамы, нганасаны, энцы), приходит к выводу, что один из входов имел какое-то ритуальное значение. Он, по мнению исследователя, будучи запретным для женщин, служил мужчинам для выхода на охоту либо использовался для выноса умершего или для внесения туши убитого зверя³⁴. Возможно, В. С. Стоколос прав, но мы склонны дать этому явлению более простое истолкование: вероятно, они были в средней части перегородены стенкой из жердей или коры, не оставившей столбовых ямок. Ведь постройки с 2 входами в большинстве случаев имели и 2 очага. 2 входа, 2 очага и перегородку демонстрирует упомянутое жилище 2 на поселении Бор I. Впрочем, судя по ирокезскому дому, разделенной на части могла быть и крупная постройка (прямоугольная или полигональная) с очагом в центре, если им пользовались 2 или несколько семей; в этом случае выходы к общей очажной площадке закрывались специальными дверями.

Материалы Галова II позволяют предполагать, что население поселка распадалось на разные по величине хозяйственные и, может быть, половозрастные группы, т. е. существовала известная ступенчатость в его социальной организации. Поселок делился на 2 группы домов, группы — на отдельные жилища площадью 13—86 м², последние — на комнаты или места у очагов. Висский могильник тоже указывает на какую-то дифференциацию оставившего его коллектива. Памятник состоит всего из 5 погребений, однако они распределены между 2 отдельными рядами, направленными в противоположные стороны и по-разному ориентированными³⁵. Для сравнения приведем сообщение З. П. Соколовой об устройстве мансийских и хантыйских кладбищ. На них каждая фамилия имела свой ряд могил и поминальный костер³⁶.

Вместе с тем встречаются полуземлянки, соединенные друг с другом углубленным в землю переходом и, несомненно, функционировавшие синхронно. Они для КСВЕ нетипичны и пока известны только в 2 случаях: на неолитической стоянке Энты III (3а и 3б) и на энеолитическом поселении Ниремка I (4 и 5). Такие спаренные постройки находят многочисленные параллели в гаринских памятниках Прикамья, например, на поселениях Бор I и Выстелишна. На гаринских и близких к ним волосовских стоянках известны объединенные переходами в единое целое 3 полуземлянки (Ибердус II, Ахмыловское II), 4 (Уржумкинское) и даже 6 (Астраханцевское)³⁷. Судя по этим данным,

неолитическая община Северо-Восточной Европы могла быть значительной по численности и состоять из нескольких групп, связанных между собой хозяйственными и, по-видимому, родственными узами. Но обычная изолированность жилищных котлованов свидетельствует об относительной слабости таких уз на КСВЕ по сравнению с Волго-Камьем. Причина этого связана, вероятно, с экологией и хозяйством: в последнем районе определенную роль в экономике уже играло скотоводство и, может быть, земледелие, способствовавшие более компактному расселению и переходу к оседлости. Сведений же о существовании на КСВЕ домашних животных до V—VI вв. н.э. у нас пока нет.

Рассматривая динамику развития (рис. 2), отметим, что к числу самых тесных помещений относится мезолитическое жилище в Топыд-Нюре V (8 м²). Жилая площадь 7 неолитических построек варьирует в пределах 47—85 м², и лишь 4 полуземлянки в Энхты III меньше (17—35 м²), причем две из них (3а и 3б) соединены переходом и рассматриваются Э. С. Логиновой как одно целое. Полуземлянки энеолита не только короче неолитических, но и гораздо меньше их: 32 из них имеют размеры 7—42 м² и только 10 — 45—86 м². На рис. 2 видно, что они находятся в заметном удалении от остальных, но по своей планировке эти полуземлянки преимущественно близки к малым жилищам: лишь 2 постройки представляют собой удлиненные трехочажные сооружения, а 1 — шестиугольник; остальные же обычных энеолитических пропорций с 1 (пять) или 2 (две) очагами. На исходе энеолита и в раннем бронзовом веке (абашоидные и атаман-нюрские поселения) вновь становятся распространенными крупные жилища, теперь в основном шестиугольной формы: жилая площадь 6 таких построек в Атаман-Нюре I, Адзье II, Шиховском I и Кироксе составляет 40—125 м².

Следовательно, в неолитическом доме могли обитать в большинстве случаев 13—24 человека, в энеолитическом, как правило, 2—13, в начале бронзового века — 11—36. Т.е. статистические данные позволяют вести речь о заметном уменьшении численности отдельных коллективов в пору энеолита. Однако именно тогда повсеместно появились сравнительно большие поселения, что в той или иной степени характерно для всей лесной полосы Восточной Европы³⁸. Следует говорить как об увеличении количества членов общины на протяжении IV—II тысячелетий до н.э., так и о более выраженной (дробной) внутренней дифференциации ее в энеолите.

Древние полуземлянки КСВЕ в сопоставлении с данными этнографии о семье в первобытном обществе. Этнография обских угров дает нам ценные материалы для понимания социальной организации тех обществ, которыми созданы культуры неолита — раннего металла в исследуемом регионе. Ведь еще в XVIII—XIX вв. у ханты и манси существовал первобытнооб-

щинный строй в стадии разложения³⁹. Занимались они главным образом охотой и рыболовством, обитая практически в тех же экологических условиях, что и древнее население КСВЕ. Из записок путешественника И. И. Лепехина (конец XVIII в.) мы узнаем, что «зимние вогульские жилища, юртами прозываемые, состоят из немногих изб, ибо они живут больше с родными

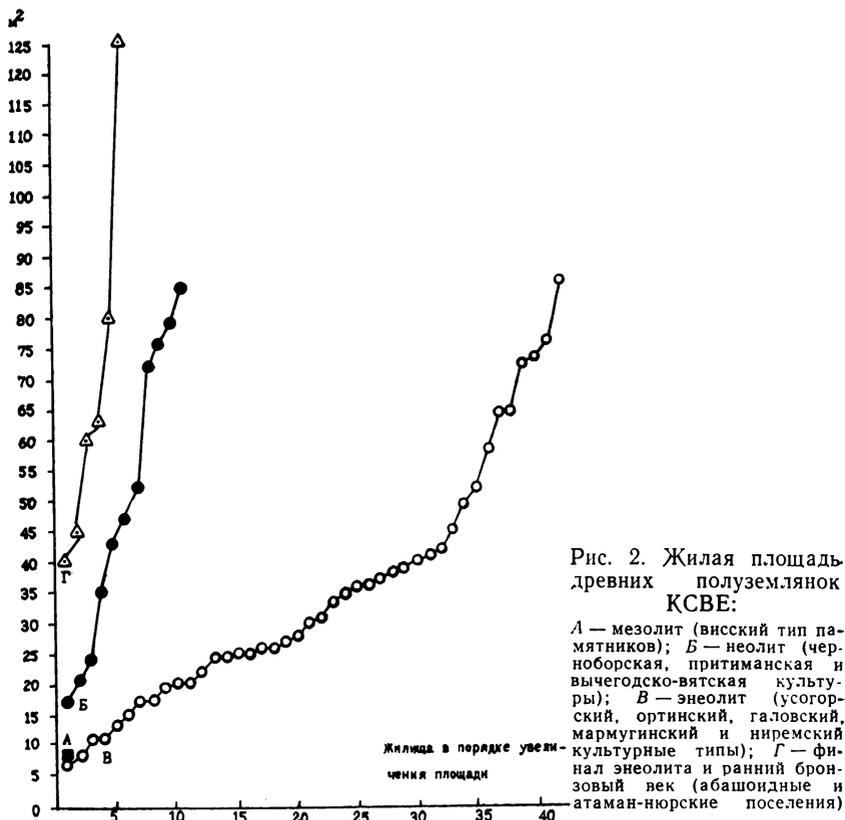

Рис. 2. Жилая площадь древних полуземлянок КСВЕ:

А — мезолит (висский тип памятников); Б — неолит (черноборская, притиманская и вычегодско-вятская культуры); В — энеолит (усогорский, ортинский, галовский, мармугинский и ниремский культурные типы); Г — финал энеолита и ранний бронзовый век (абашонские и атаман-нюрские поселения)

семьями не во множестве, к чему их... звериные промыслы приучили». Эти данные подтверждаются и уточняются его современником архимандритом Платоном: «...Располагаются чердынские вогуличи своими кочевьями, которые у них очень невелики, так что в одном кочевье или деревне одна, две или три юрты, а весьма редко по пяти юрт бывает; да и те свои жилища делают по большей части в лесах, при выгодных только речных местах весьма не в близком между собой расстоянии, полагая от кочевья до кочевья верст по 15, по 20, по 30, по 40, по 60 и более. Причину малого и в далеком между собой расстоянии находящегося своего жительства представляют сию: «дабы происходящим от многолюдства криком и от огня дымом не отогнать да-

леко зверя»⁴⁰. Такими же были места обитания в период неолита, состоявшие обычно из ограниченного количества жилищ или одной единственной постройки.

У обских угров четко выделялись семьи малые и большие. Последние состояли из брачных пар близких родственников, которые вели общее хозяйство. Число пар в XVIII в. могло доходить до 30, а в XIX в.— до 6. Такую семью В. Н. Чернецов называл «расширенной»⁴¹. Она имела в общем пользовании охотничьи и рыболовные угодья, жилую и хозяйственные постройки. Пища, приготовленная в котле из добытого мяса или рыбы, потреблялась совместно. Однако орудия труда у каждого взрослого члена семьи были свои. Купленные хлеб, сахар и чай, а также чайник принадлежали отдельно каждой брачной паре⁴².

«Расширенная» семья существовала и у аборигенов Австралии. В такую семью входили: «старый мужчина и его братья (если они были), его (их) сыновья и внуки, а также жены, незамужние дочери и маленькие дети этих двух или трех поколений взрослых мужчин»⁴³. Семья этого типа (локальная группа) служила хозяйственной единицей австралийского общества.

Возвращаясь к древним жилищам КСВЕ, мы можем предположить, что меньшие из них принадлежали малым семьям, а большие — «расширенным», причем в просторных помещениях с 2—3 очагами последние были закреплены за отдельными брачными парами. К такому заключению, сделанному нами в 1986 г., пришла также Л. Л. Косинская⁴⁴. Разумеется, многолюдная «расширенная» семья могла занимать и 2—3 дома, но это уже само по себе было шагом к ее распаду.

Большие и малые семьи, а также объединения семей можно рассматривать в качестве экономических единиц древнего общества на КСВЕ. Подобные коллективы имели хорошо разработанную терминологию родства, причем уже в период уральской языковой общности существовали понятия: «отец», «мать», «муж», «жена», «невестка» («сноха»), «деверь» («золовка»), «дядя»⁴⁵.

Исследуя социальную организацию охотников каменного века, сходные выводы сделали ранее Г. П. Григорьев и С. Н. Бибиков⁴⁶. Первый автор, обобщив данные о позднепалеолитических жилищах, представлявших собой круглые помещения диаметром 4—6 м с очагом в центре, делает вывод, что «первичной социальной ячейкой верхнепалеолитического общества была парная семья, а общины состояли из 5—10 таких семей, реже 15—25». По С. Н. Бибинову, «в сообществах, где имели место индивидуализация охоты, рассредоточение охотничьих коллективов ...основной социально-экономической ячейкой оставалась парная семья», но закон экзогамии давал «экономически замкнутым семейным ячейкам ...выход на относительно широкую социальную арену».

Все же отдельные данные указывают на то, что некоторые из древних помещений КСВЕ принадлежали не семьям, а иным коллективам. Упоминавшаяся двухочажная полуземлянка 2 на обширном гаринском поселении Бор I, имевшая перегородку, была соединена переходом с аналогичным жилищем 1, расположенным к северу. В южной комнате полуземлянки 2 оказалось «много орудий, особенно стрел, причем есть участки... на которых встречаются целые склады орудий», «но нет скоплений керамики и сосудов». Напротив, в северной части дома найдено «сравнительно мало каменных орудий, особенно стрел», но «много сосудов, есть целые их скопления». По О. Н. Бадеру, «все это делает вероятным предположение, что северная часть жилища была женской, а южная — мужской». В полуземлянке 1 мы имеем дело со сходной, хотя и не столь ярко выраженной ситуацией; женской комнатой здесь могла быть южная часть дома. «В северной половине найдено 52 каменных орудия, а в южной — 36, зато в северной зафиксировано всего два раздавленных сосуда, тогда как в южной — четыре». Здесь все логично: связанные переходом южная комната первого жилища и северная второго принадлежали женщинам, а концевые проходы помещений обоих домов — мужчинам.

Деление жилища на мужскую и женскую половины, документируемое характером инвентаря, на нео-энеолитических поселениях КСВЕ не отмечалось, но в Висе II открыты следы двух соединенных между собой раннесредневековых жилых сооружений, из которых одно содержало почти исключительно орудия мужского труда, а другое — преимущественно украшения. Группа жилищ с мужской и женской половинами выделена датским археологом О. Греном на мезолитических стоянках культуры маглемозе⁴⁷. Он сопоставляет их с односемейными круглыми сооружениями канадских индейцев, обитавших в районе оз. Мистассини. Здесь жилплощадь была разделена на 2 равные части — мужскую и женскую. Супруги размещались друг возле друга, а дети соответствующего пола — на некотором удалении от них, которое было тем больше, чем старше сын или дочь. Однако эти тесные сооружения были лишены каких-либо перегородок и резко отличались от полуземлянок нео-энеолита на КСВЕ, которые следует сопоставить с так называемыми мужскими и женскими домами первобытной общины.

Как известно, мужские дома (или комнаты) представляли собой в большинстве случаев помещения юношей, еще не вступивших в брак, в то время как женские дома служили для проживания девушек. Состоявшие же в браке мужчины и женщины вместе с несовершеннолетними детьми занимали отдельные дома или комнаты в крупных жилищах. Дома холостяков и дома девушек зафиксированы этнографами в Южной Азии и Западной Океании (о-ва Адмиралтейства и Микронезии, Новая Гвинея, Суматра, Филиппины, Бирма, Индия, Андаманский

архипелаг), а также в Юго-Восточной Африке (бассейн Замбези, Кения). У аборигенов Австралии существовали обособленные шалаши юношей и такие же шалаши девушек в общем лагере, а в Африке были известны хижины холостяков и дома девушек, использовавшиеся во время инициаций. По мнению Ю. И. Семенова, домам юношей стадильно предшествовали помещения, где проживали мужчины разного возраста, а домам девушек — женские, в которых обитали взрослые женщины, девушки и дети обоего пола. Такие мужские дома были характерны для Новой Гвинеи, многих островов Меланезии и Микронезии, эскимосов Гудзонова залива и Аляски, мундруку Бразилии⁴⁸. Обособленное проживание женских и мужских групп, между которыми осуществлялись связи с целью иметь потомство, нашло яркое отражение в рассказе Геродота (IV, 110—113) об амазонках и скифских юношах. В свете приведенных фактов можно предполагать, что на нео-энеолитических поселениях КСВЕ наряду с семейными домами и комнатами существовали помещения юношей и комнаты девушек.

Дуально-фратриальная организация и чересполосное расселение этнически разных племен. Специфика ханты-мансийского общества в XVIII—XIX вв. состояла в том, что для регулирования брачных отношений оно разделялось на две экзогамные половины, из которых одна называлась Мось, а другая — Пор. Они известны в литературе как фратрии⁴⁹, хотя по ряду признаков отличаются от фратрий ирокезов и древних греков⁵⁰.

Дуально-фратриальное деление существовало независимо от дифференциации общества на племена и, как показано З. П. Соколовой, сочеталось у обских угров с отсутствием рода как социальной единицы⁵¹. Однако выделяются так называемые генеалогические группы, которые имеют отдельные черты рода (у них свои тотемы и пр.), но лишены его главного признака — экзогамии. Исследовательница считает, что объединения, сходные с такими группами, существовали у австралийцев. Происхождение этого своеобразия у угров и австралийцев З. П. Соколова связывает прежде всего с особенностями хозяйства, носящего присваивающий характер, низкой плотностью населения, рассеянным расселением на большой территории. В отличие от угров (к которым по социальной организации близки кеты) у ненцев и северных селькупов, оленеводов-кочевников мы находим деление фратрий на роды, сходные с родами североамериканских индейцев, описанными Л. Морганом.

В литературе высказывалась мысль о генетически разных истоках и первоначальной разноэтничности экзогамных половин у обских угров⁵². Если происхождение фратрий могло быть таким, то имеются основания утверждать, что на древнем КСВЕ в ряде случаев складывались условия для возникновения дуальной организации.

В тех регионах, где хронология неолита и медно-бронзовой

эпохи базируется на прочной основе, неоднократно прослежена синхронность культур, памятники которых размещены на одной и той же территории. Так, в Прибалтике частично совпадают по времени стоянки сарнатского типа с культурой гребенчатоямочной керамики, а в Верхнем Поволжье — верхневолжская, льяловская и волосовская культуры⁵³. Даже если учесть, что некоторые радиоуглеродные даты случайны, трудно отказаться от мысли о чересполосном расселении разных этнических групп, которое имитирует на археологической карте смену населения. Всегда ли появление пришельцев приводило к вытеснению, уничтожению или ассимиляции ими аборигенов, и не могло ли чересполосное распределение территории быть результатом миграции?

А. Я. Брюсовым, О. Н. Бадером и Л. Я. Крижевской признано, что древнее разнокультурное население могло обитать в одной и той же области, не сливаясь в единое целое⁵⁴. Действительно, расселение племен группами на территории, которая занята этносом, говорящим на другом языке, известно в Африке и доколумбовой Америке⁵⁵. О сосуществовании пришельцев с местным народом идет речь в Библии — книге Судей Израилевых (I, 21, 29), что уже отмечалось в литературе⁵⁶.

Только учитывая сказанное, можно дать интерпретацию тем событиям, которые происходили на КСВЕ в III тысячелетии до н. э. В это время здесь обитали носители нескольких культур. Некоторые из них явно взаимодействовали между собой. Так, в результате синтеза камской и притиманской культур возникла вычегодско-вятская. Несомненно, смешивались и, видимо, какое-то время жили чересполосно создатели конецборских и усюгорских, ортинских и галовских поселений. Доказательством этому служат соответственно ортинский и ниремский типы памятников, в керамике которых отчетливо прослеживается двухкомпонентность⁵⁷. Синкретический характер Топыд-Нюра XII и XIII был признан В. И. Канивцом, а о том, что носители «турбинской» культуры (галовский культурный тип) сохранили «в окружении чуждых им племен... свою самобытность», писал В. Е. Лузгин⁵⁸.

Конечно, взаимоотношения разных этнических групп далеко не всегда были мирными, ведя к созданию дуально-фратриальной организации (об этом красноречиво говорит боевая схватка лыжников с мореходами, столь реалистически изображенная в Залавруге)⁵⁹. Специалисты различают два типа военных действий у первобытных общин: набеги карательного характера и длительные войны, связанные с кровной мстью, охотой за головами, с ритуальным каннибализмом. Центрами военной организации были при этом мужские дома, а основной ударной силой — юноши, которым участие в войнах давало доступ в категорию взрослых⁶⁰.

Термин «племя» к древним охотничье-рыболовческим обще-

ствам КСВЕ применим, но до некоторой степени условно, так как деления на роды у них не существовало. О том, каким было племя этой области в эпоху неолита и раннего металла, можно судить по австралийцам, представлявшим самое архаичное общество из всех, которые были изучены этнографами. Их племя — это «определенная общность в языке и культуре, составленная некоторым числом локальных групп, которые расселены по соседству друг с другом»⁶¹.

¹ См.: **Буров Г. М.** Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986; **Он же.** Культурные типы Крайнего Северо-Востока Европы: (Эпоха мезолита, неолита и раннего металла). Симферополь, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 25191.

² См.: **Ашихмина Л. И.** Керамика гамаюнского типа на поселениях в бассейне Печоры // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 112—115; **Буров Г. М.** Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // МАЕСВ. 1965. Вып. 3. С. 147—149; **Он же.** Древний Синдор. М., 1967. С. 137—140.

³ См.: **Канивец В. И.** Мезолитические стоянки на средней Печоре и Усе // МАЕСВ. 1973. Вып. 4. С. 4—6.

⁴ См.: **Буров Г. М.** Древний Синдор. С. 91—94; **Лузгин В. Е.** Древние культуры Ижмы. М., 1972. С. 41—72.

⁵ См.: **Стоколос В. С.** Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. С. 81—82.

⁶ См.: **Косинская Л. Л.** Исследования Коми республиканского историко-краеведческого музея в бассейне Вычегды // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 19.

⁷ См.: **Логина Э. С.** Поселения на средней Вычегде в эпоху неолита. Сыктывкар, 1985. С. 8.

⁸ См.: **Денисов В. П.** Хуторская неолитическая стоянка // Учен. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12, вып. 1. С. 38—40; **Бадер О. Н.** Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М., 1961. Рис. 48, 49, 70.

⁹ См.: **Коногорова (Ширинкина) А. М.** Жилища 3—8 поселения Камский Бор II // ОКВАЭ. 1961. Вып. 2.

¹⁰ См.: **Стоколос В. С.** Культуры эпохи раннего металла... Рис. 39, 43, 46, 55; **Бейгун Ю. В., Васильев С. Ю. и др.** Исследования Сыктывкарского университета // АО — 1986. М., 1988. С. 12—13; **Косинская Л. Л.** Жилища эпохи ранней бронзы в бассейне Вычегды // СА. 1987. № 1. Рис. 2.

¹¹ См.: **Стоколос В. С.** Древние поселения Мезенской долины. М., 1986. С. 108—109, 125—127, 179—180.

¹² См.: **Косинская Л. Л.** Жилища эпохи ранней бронзы... С. 247.

¹³ См.: Там же. С. 248.

¹⁴ См.: Там же. Рис. 4.

¹⁵ См.: Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956. С. 585. Рис. 3.

¹⁶ См.: Там же. С. 585. Рис. 1; С. 718. Рис. 1.

¹⁷ См.: Там же. С. 340. Рис. 2; С. 387. Рис. 3, 4.

¹⁸ См.: **Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М.** Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С. 39—46.

¹⁹ **Денисов В. П.** Хуторская неолитическая стоянка... С. 39; **Бадер О. Н.** Поселения турбинского типа... С. 51.

²⁰ См.: **Панкрушев Г. А.** Мезолит и неолит Карелии: В 2 вып. М., 1978. Вып. 2. С. 44.

- ²¹ См.: Народы Сибири. С. 796, 797. Рис. 1.
- ²² См.: **Стоколос В. С.** Древние поселения на оз. Чойновты: Опыт социологического анализа // Вопросы финно-угроведения: В 2 вып. Сыктывкар, 1979. Вып. 2; **Буров Г. М.** Крайний Северо-Восток... С. 23—24; **Косинская Л. Л.** Мезолит — ранняя бронза бассейна нижней Вычегды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 17—18.
- ²³ См.: **Хлобыстин Л. П.** Проблемы социологии неолита Северной Азии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 31.
- ²⁴ См.: **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 183.
- ²⁵ См.: **Стоколос В. С.** Древние поселения на оз. Чойновты.
- ²⁶ См.: Там же. С. 113—154; **Буров Г. М.** Культурные типы... С. 20.
- ²⁷ См.: **Лузгин В. Е.** Древние культуры Ижмы. С. 66.
- ²⁸ См.: **Стоколос В. С.** Древние поселения Мезенской долины. С. 7—44.
- ²⁹ См.: **Логинова Э. С.** Поселение Эньты I // МАЕСВ. 1978. Вып. 7. Рис. 1.
- ³⁰ На долговременных поселениях отмечается довольно сложная ситуация. Очаги 2 и 3 в Висе II и очаг 3 в Висе I (жилище 2) функционировали первоначально как очажные ямы, а затем, после засыпки ям песком, огонь разводился прямо на полу. Можно предположительно выделить два этапа в существовании этих жилищ, поскольку в Висе II очаги, если бы все они бытовали одновременно, занимали недопустимо много места. Заманчиво думать, что все очажные ямы представляют первый этап, а все кострища на полу — второй. Если такая догадка верна, то в Висе II вначале использовались четыре очажные ямы: две в северном и восточном углах (2 и 3), столько же — по оси симметрии (4 и 5). В Висе I на этом этапе был только один очаг — в специальной подковообразной нише восточного угла. На втором этапе в Висе I функционировали три очага: два по углам (2 и 3) и один — у северо-западной стены. Примечательно, что и в Висе II на этом этапе не было ни одного очага, удаленного от стен: все четыре неуглубленных кострища (1—3,6) размещены по углам. Судя по вещественному материалу, на обоих этапах висские жилища были вычегодско-вятскими. В них жили долго, и, вероятно, в связи с новыми культурными веяниями очаги подверглись перестройке.
- ³¹ См.: **Хлобыстин Л. П.** Проблемы социологии неолита... С. 131; **Старков В. Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья... С. 184.
- ³² См.: Археология СССР: Палеолит СССР. М., 1984. Рис. 88-Б, Д; **Збруева А. В.** История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952. Рис. 9; Индейцы Америки / Отв. ред. С. А. Токарев, И. А. Золотаревская. М., 1955. Рис. 7.
- ³³ См.: **Бадер О. Н.** Поселения турбинского типа... С. 50—53.
- ³⁴ См.: **Стоколос В. С.** Древние поселения Мезенской долины. С. 180—181.
- ³⁵ См.: **Буров Г. М.** Древний Синдор. С. 109—112.
- ³⁶ См.: **Соколова З. П.** Социальная организация ханты и манси в XVIII—XIX вв. М., 1983. С. 145.
- ³⁷ См.: Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. Рис. 7; 9—28.
- ³⁸ См.: **Козырева Р. В.** Типы поселений эпохи неолита — раннего металла на территории лесной полосы европейской части СССР // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 37—38.
- ³⁹ См.: Народы Сибири. С. 592.
- ⁴⁰ **Чернецов В. Н.** Наскальные изображения Урала: В 2 вып. М., 1971. Вып. 2. С. 75.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 81.
- ⁴² См.: **Соколова З. П.** Социальная организация ханты... С. 153—156.
- ⁴³ Volkerrunde für jedermann / R. Krusche Gotha; Leipzig, 1967. S. 321—322.
- ⁴⁴ См.: **Косинская Л. Л.** Мезолит — ранняя бронза... С. 17.
- ⁴⁵ См.: **Редей К., Эрдейи И.** Сравнительная лексика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. С. 401—402.
- ⁴⁶ См.: **Григорьев Г. П.** Начало палеолита и происхождение Homo Sapiens. Л., 1968. С. 154—159; **Бибиков С. Н.** Эпоха мезолита (эпипалеолита) // История Украинской ССР: В 10 т. Киев, 1981. Т. 1. С. 51.

⁴⁷ Gron O. Generale Spatial Behaviour in Small Dwellings: A Preliminary Study in Ethnoarchaeology and Social Psychology // The Mesolithic in Europe, Edinburg, 1985.

⁴⁸ См.: История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 109—119, 330—334, 377—381.

⁴⁹ См.: Народы Сибири. С. 591; Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Вып. 2. С. 75.

⁵⁰ См.: Соколова З. П. Социальная организация ханты... С. 111.

⁵¹ См.: Там же. С. 105—163.

⁵² См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 242.

⁵³ См.: Долуханов П. М., Лийва А. А., Микляев А. М. Проблемы абсолютной хронологии культур V—II тысячелетий до н. э. в бассейне Балтийского моря // КСИА. 1978. Вып. 153. Рис. 1; Тимофеев В. И., Романова Е. Н. Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР // Там же. Табл. 1.

⁵⁴ См.: Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20. С. 44; Бадер О. Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 74; Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977. С. 125—126.

⁵⁵ См.: Volkerrunde fur jedermann. S. 33, 48, 57.

⁵⁶ См.: Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. М., 1966. С. 9.

⁵⁷ См.: Буров Г. М. Древний Синдор. С. 99.

⁵⁸ Канивец В. И. Отчет о работе I Печорского археологического отряда в 1970 г. // Арх. ИА АН СССР, 1971, р—1, № 4282, 4282а, л. 3—18; Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. С. 76.

⁵⁹ См.: Савватеев Ю. А. Залавруга: В 2 вып. Л., 1970. Вып. 1. С. 76.

⁶⁰ См.: История первобытного общества. С. 406—407.

⁶¹ См.: Volkerrunde fur jedermann. S. 321—322.

Л. Л. КОСИНСКАЯ
Уральский университет

О ТИПАХ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ КАМНЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

Рост источниковой базы, особенно в последние десятилетия, позволяет археологам все чаще обращаться к проблемам реконструкции хозяйства и социальной организации первобытных обществ. Палеоэкономическое моделирование дает возможность восстановить механизмы адаптации древних коллективов к различным природным условиям, проследить истоки хозяйственно-культурных типов, зафиксированных этнографией. Примером плодотворных исследований такого рода могут служить, в частности, работы М. Ф. Косарева по Западной Сибири¹.

На европейском Северо-Востоке также накоплен определенный материал, позволяющий поставить задачу реконструкции хозяйства и образа жизни древнего населения. Эти вопросы уже рассматривались автором применительно к памятникам энеолита—ранней бронзы бассейна Вычегды². Настоящая статья посвящена предшествующим эпохам—мезолиту и неолиту.